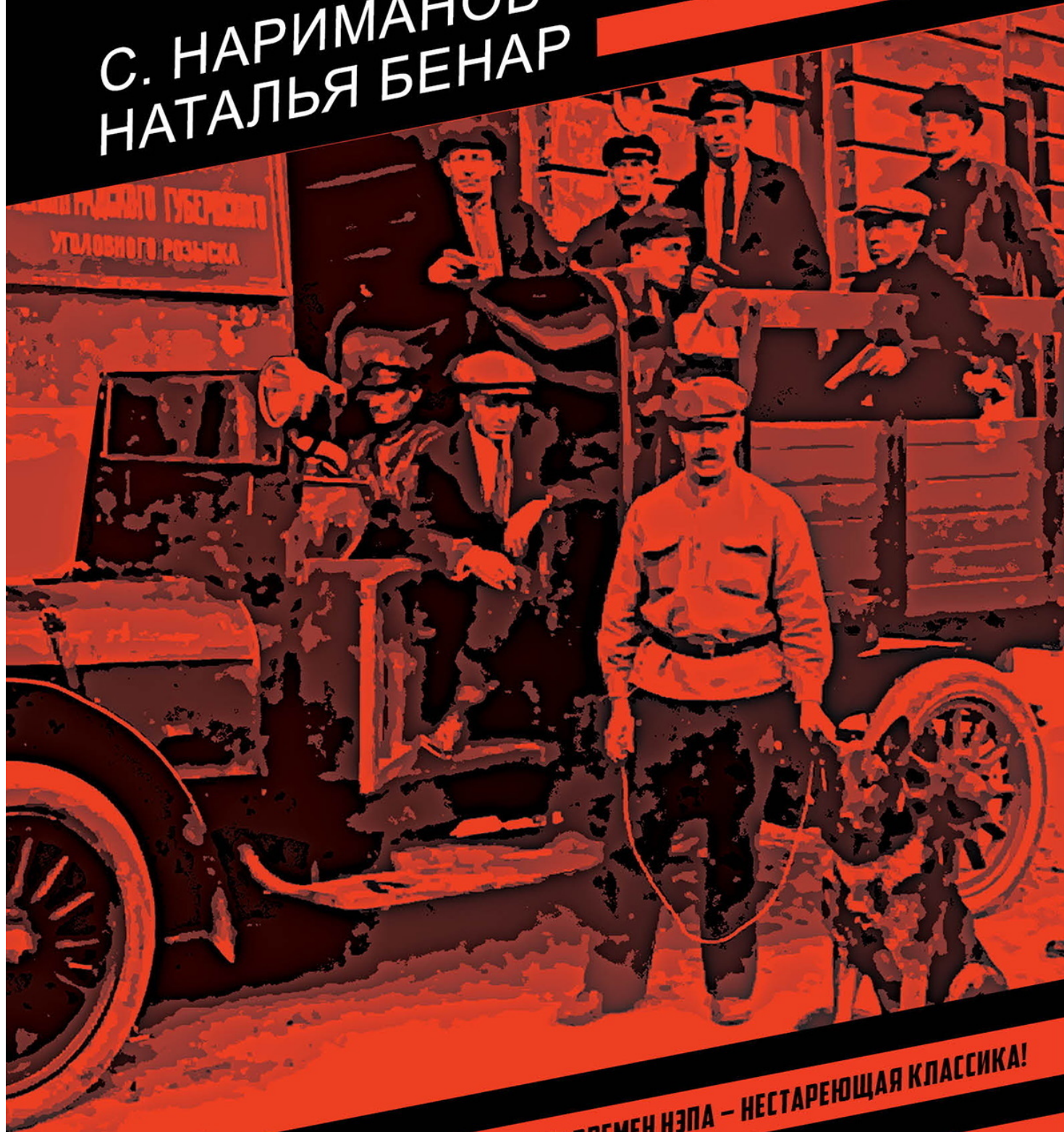

С. НАРИМАНОВ
НАТАЛЬЯ БЕНАР

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ШПИОНСКИЙ ДЕТЕКТИВ ВРЕМЕН НЭПА – НЕСТАРЕЮЩАЯ КЛАССИКА!

КРАСНЫЕ ПИНКЕРТОНЫ

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

Тайный фронт

Наталья Бенар

Красные Пинкертонны

«Алисторус»

1925

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Бенар Н.

Красные Пинкертоны / Н. Бенар — «Алисторус»,
1925 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-467-9

Перед вами самая популярная книга 1925 года. Первый советский детектив, загадочный во всех отношениях. Книга, посвященная захватывающим приключениям красных Пинкертонов, вышла под псевдонимом С. Нариманов. До сих пор неизвестно, кто скрывался под этим псевдонимом. Чекисты умеют хранить тайны... А книга получилась незабываемая! Погони, переодевания, перестрелки, драки, в которых героям помогают приемы джиу-джитсу. Коварные шпионы и диверсанты, которых посылают в Советский Союз тузы белой эмиграции, и гениальный сыщик – настоящий советский Пинкертон, – который расставляет на них сети... В сборнике также представлена сенсационная авантюрная повесть Натальи Бенар «Черный паук» – еще один шедевр эпохи красных Пинкертонов. Войдем в подпольный мир раннего советского времени – мир шпионов и чекистов, проституток и честных комсомольцев. Эта книга – настоящая находка для всех любителей детективов. Она держит в напряжении от первой до последней страницы. И открывает нам хронику времен НЭПа из первых рук.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-467-9

© Бенап Н., 1925
© Алисторус, 1925

Содержание

С. Нариманов	7
Сапожный гвоздь	7
I. Отступление	7
II. Совершенно спокойная беседа	8
III. Безумный прыжок в неизвестность	9
IV. Неприятная неожиданность	10
V. О том, чего не захотели иностранные матросы	12
VI. Бунт	13
VII. Фокстрот... до бесчувствия	16
VIII. Партия свиней выслана	18
IX. Странные стуки	20
X. Осталось?.. Нет, прошло	21
Номер сорок два	24
I. Не робей. Еще поборемся	24
II. Горький смех... от сладкой надежды	25
III. II Интернационал и... фунт	27
IV. Царская стоянка	29
V. Кукуруза "Герман Клоссе" из Гамбурга	31
VI. Что решили за бутылкой вина	32
VII. На что иногда пригодится рубашка	34
VIII. Ультиматум-голова – и все прочее	36
IX. Ультиматум в мусорном ящике	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталья Бенар. С. Нариманов Красные Пинкертоны

Серия «Тайный фронт»

© ООО «Издательство Родина», 2026

С. Нариманов

Белый якорь

Сапожный гвоздь

I. Отступление

Давно на пристани южного портового города С. не было такого оживления...

Потные грузчики, уличные торговцы, сонные греки с четками, лодочники в своих вязаных костюмах и фесках, крики ломовиков, отдельные выкрики благовоспитанных дам и выложенных молодых людей – все смешалось.

На палубе парохода “Грозный” с скучающим видом разгуливали матросы, регулируя посадку войск.

Публику на пароход пока не пускали.

Эвакуировалась армия отступающего за море неприятеля, под командой бывших офицеров; отступала в Константинополь... На пароход небрежно грузили военное имущество, и тут же несколько солдат бережно несли большие сундуки, кожаные чемоданы и портпледы господ офицеров.

Белая армия кончилась, кончилось последнее издыхание – “христолюбивого русского воинства”.

Тут же около трапа стоял выложенный генерал Хвалынский и, растягивая команду, кричал на солдат, поднимающихся по трапу.

– Не задерживай-сь! Не толпись!

Солдаты со злыми лицами, забыв всякое чинопочитание, “крыли” друг друга крепкими словами. На мостике “Грозного” капитан Хиггинс говорил первому штурману:

– Эти русские свиньи не умеют ходить по земле, а с них требуют, чтобы они подымались по трапу.

Посадка солдат окончена. Потянулась длинная вереница “штатских”.

Пристань пустела... Вся кипучая жизнь пристани перенеслась на пароход, на палубу, в каюты, в трюм...

“Почетные” места в трюме были предоставлены солдатам отступающей армии, в то время как фешенебельные, уютные каюты заняли господа офицеры с семьями, сиятельные “Коко” и “Вово”, старые графини и княгини со своими болонками, мопсами, попугаями, сундуками, чемоданами и прочим ненужным скарбом...

□

Это называлось на языке офицеров “планомерное отступление”.

Команда “Грозного” не пожелала разделить “почетную участь белых солдат” в трюме и сошла с судна, присоединив свои силы к силе наступающей красной армии.

Красная армия заняла десятиверстную окраину города. Уже в тылу ее организовался Ревком.

Уже Ревком раздал оружие...

Уже на площади целый час длится митинг.

Но город... город...

Пустой... притаившийся... таинственный... безлюдный был без власти.

Мелкий торгаш закрыл свою лавочку...

Буржуй смиренно убеждал, что если он и богат, то не грабежом, – “а своим трудом, в поте лица зарабатывал хлеб – и заработал, десять процентов откладывая, а 90% пускал в оборот”.

Крови чужой не пил – никому зла не причинил.

II. Совершенно спокойная беседа

Итак, город умер... На улицах у калитки стояли бабы и судачили на все лады...

– И – и как вдарил... Мать пресвятая богородица.

– Не можете ли сказать, где здесь сапожник Холмогоров?

– Холмогоров?... А вот здесь во дворе за угол, – ответила баба.

Молодой человек вошел во двор, завернул за угол и очутился перед лестницей, ведущей в подвальное помещение; спустившись несколько ступенек, он ткнул ногой в дверь, она распахнулась, и он вошел в сырую темную комнату, освещенную висячей лампой.

– Работаете? – спросил молодой человек.

– А что мне делается? Я рабочий – мне бежать незачем – пусть бегут, у кого морда в грязи.

– Я вот за ботинками пришел?

– А как ваша фамилия?

– Скворцов.

– Скворцов? Чтой-то не помню.

– Вы шутите, конечно?

– Мне шутить незачем. Идите своей дорогой, господин. Шляются тут, а потом вещи пропадают...

– Да вы, оказывается, не из трусливых? Будьте добры, товарищ...

– Какой я вам товарищ!... Пока еще господа. Чего вы мне душу-то мотаете?!

– Послушайте, мои ботинки у вас в починке – я хочу их получить!

– Я у вас принимал?

– Нет.

– Ну, так ищите того, кто принимал.

– Да ваш подмастерий.

– А его нет – он на пристани...

Скворцов понял, что он тут ничего не добьется, сел на стул и, заложив ногу на ногу, закурил папироску. Сапожник злобно посмотрел на Скворцова.

– Курите?

– Курю, – пробормотал сапожник и благосклонно принял папиросу от Скворцова.

– Пьете?

– Не пью, – спокойно ответил Скворцов.

Сапожник из под стола вытащил бутылку...

Опрокинул в рот горлышко...

Забулькало... Сплюнул... Затянулся и изрек:

– Ваши ботинки не готовы... Приходите завтра утром. Придет мой подмастерий – тогда разберем...

Скворцов улыбнулся:

– Спасибо... – и протянул руку.

– Так вы в самом деле товарищ?

Скворцов потряс ему руку.

– Вы говорите, что подмастерий ваш на пристани? Пойду поищу...

И он вышел.

– Тьфу, – плюнул сапожник, когда хлопнула наружная дверь, – не то шпик, не то товарищ – не поймешь!

Скворцов быстрыми шагами шел по улицам вымершего города.

III. Безумный прыжок в неизвестность

Большие стеклянные витрины не привлекали ни светом, ни товаром.

Шаги Скворцова гулко отдавались... Изредка приоткрывались ставни, обыватель с удивлением смотрел на храбреца.

Вот и пристань.

“Грозный” еще не уходил.

Море успокаивалось и только изредка большая волна набегала, стараясь слизать палубу...

Тщетные усилия! Она бесцельно разбивалась о борт старого транспорта...
Казалось – все спокойно...

Ушедшую русскую команду заменили иностранные матросы. Командовал иностранный капитан...

Сходни еще не были убраны.

У самых сходень стоял молодой парень лет 17-ти, мечтательно глядя на пароход.

– Не решили еще?

– Чего это? – обернулся парень.

– Хотите уезжать?

– Не-е-т, – протянул парень.

– Вы разве меня не узнаете? – спросил Скворцов.

– Узнаю!

– Я за вами – хочу свои ботинки получить.

– Что ж, можно!

– А они готовы?

– Готовы – только вот осталось...

Не успел договорить парень, как сходни стали подниматься, какой-то оголтелый офицер толкнул плечом парня, помчался к сходням, но поздно.

Упал в воду.

Заревел пароход... Побелела вода... Полетели брызги... Офицера не видно...

– Ха, ха, ха, ха... вот она, собачья смерть, – кричал, смеялся парень...

Но, видно, офицеру не суждено было погибнуть. Он схватился за поднимающийся якорь, дико, безумными глазами озираясь по сторонам.

На носу “Грозного” развевался трехцветный флаг. Пароход уходил...

В удобных каютах усердно крестились офицеры и их дамы, тогда как в трюме, в этой мерзости, грязи и духоте поместившиеся кое-как солдаты, понуря головы, молча переживали состояние людей, делающих безумный прыжок в неизвестность!...

IV. Неприятная неожиданность

Шикарный табль-д’от. Белоснежные накрахмаленные скатерти... Дорогая сервировка... Изысканные блюда гармонировали с выложенными офицерами...

Цыганский хор страстно выводил “Час роковой”...

И когда последняя нотка цыганки замерла...

Прилизанный румынский оркестр заиграл фокстрот.

Пары закачались, скользя по-утиному...

Пробки шампанского обстреливали потолок...

Бесстрастные глаза офицеров иностранного командования скользили по танцующим...

А старые графини и княгини в своих каютах вызывали души умерших, ища спасения своих майоратов в предсказаниях предков...

Так безумствовала отступающая белая братия...

Повисший на якоре офицер, переодевшись в другое платье, цедил слова.

– Я как Петроний! Я люблю народ, но не могу войти в гущу его... От них дурно пахнет!
О-о-реуле! – это ужасный институт...

– Ах, да, институт! – перебила его жена Хвалынского, – есть в этом Константинополе институт красоты?...

– Я не знаю... но красивые турчанки...

– О yes! – процедил бесстрастный англичанин.

Всю ночь напролет пьянство продолжалось...

Уже наступило утро...

Группа офицеров во главе с Хвалынским сошли в трюм произвести перепись трюмных пассажиров.

Люди поодиночке подходили к столу, называли свою фамилию.

К столу подошла молодая девушка.

Хвалынский посмотрел на нее:

– Как фамилия?

– Винокурова, Татьяна.

– Вы отправитесь в распоряжение моей жены...

– Я не могу... Я с женихом.

– Кто ваш жених?

– Дроздов.

Дроздов встал рядом с Таней Винокуровой.

– Она моя невеста...

Не успел Дроздов окончить фразы, как мясистая рука генерала Хвалынского шлепнула по лицу Дроздова.

Дроздов рванулся на Хвалынского.

Его схватили и оттащили от стола.

– Отобрать у всех оружие, – крикнул генерал Хвалынский и ушел вверх по лестнице.

Солдаты молча сдавали оружие.

Дроздов схватил свою винтовку и выбросил в море.

Два жандарма подошли к Винокуровой, и она в сопровождении их вышла на палубу.

С этого дня началась служба Винокуровой у Хвалынских.

Вечером этого же дня офицеры пороли Дроздова шомполами.
Уныло созерцали тяжелую картину солдаты...
И ласково ухаживали за Дроздовым, когда он в лихорадке, с посиневшими рубцами на спине, покрытый шинелью, лежал на носилках.
Генерал Хвалынский в компании полковых дам и своих адъютантов ужинал.
Сонно наигрывал румынский оркестр какой-то страстный мотив.
Скучающие цыгане сновали по палубе парохода...
В трюме готовился план бунта...
– Перебить офицеров и повернуть обратно домой...
Вот лозунг трюмных обитателей.
Откуда-то появились наганы, винтовки, шашки, штыки.
Обитатели “Грозного” спали.
Солдаты молча готовились к нападению...
Их предавал жандарм.
Крот рыл яму.
Хвалынский, нахмутив брови, слушал доклад.
Приказал будить офицеров...
А между тем в трюме поспешно раздавали оружие... Распределялись роли...
Как всегда, в куче солдат немедленно нашлась горстка отчаянных смельчаков, которые решили взять на себя первый почин нападения...
Кипела работа!
Генерал Хвалынский с мрачным лицом, но в неизменно элегантной позе стоял со стеклом в руке у стола обширной кают-компаний.
Сонные офицеры, еще не очухавшись от недавнего кутежа, поспешно входили... Кланялись коротким военным поклоном, вытянувшись во фронт – отходили в сторону и садились.
Генерал Хвалынский заговорил, скандируя слова:
– Господа офицеры! Я получил донесение: нижние чины в трюме готовят бунтарское выступление... Будь мы на суше и на своей земле, я не собирал бы военного совета, а отдал бы короткий приказ: подавить мятеж вооруженной силой...
Генерал Хвалынский оглядел всех офицеров, перевел дух и, нахмутив брови, закончил:
– Но мы теперь экстерриториальны, мы на борту транспорта с иностранным командованием. И потому мы должны прежде всего обратиться к командному составу судна.
Совет поспешно согласился. В головах “господ офицеров” еще шумел недавний фокс-трот вперемежку с румынским оркестром и цыганским пением...
И вдруг этот – бунт... Какая неприятная неожиданность! Какая тревожная ночь!...

V. О том, чего не захотели иностранные матросы

А в море была тишина...
“Грозный” плавно скользил по тяжелым темным волнам, окрашенным в серебристый цвет широкой лунной полосой...
У носа пенилась белая накипь, а за кормой тянулся длинный блестящий след...
Иностранец-командир выслушал доклад генерала Хвалынского о готовящемся бунте с чисто британским хладнокровием.
Ни одна черта его обветренного, бритого лица не дрогнула.
Он бросил несколько отрывочных английских слов своему старшему помощнику.
– Олл райт, – отчеканил помощник, козырнул и ровным шагом вышел из кают-компаний.
Наверху засвистел боцманский свисток.
Всю команду вызывали наверх.

На баке была выстроена иностранная команда “Грозного”.

Капитан говорил им речь; отрывисто, точно выплевывая слова, он сообщает команде о готовящемся бунте. И призывает, приказывает им оказать должное сопротивление вооруженной рукой.

□

В стороне стоит генерал Хвалынский во главе группы офицеров.

Все впились глазами в ряды иностранных матросов, спешно собранных чуть не в последний момент перед отходом парохода.

И ждут, ждут...

Иностранная пароходная команда стоит молча, с нахмуренными лицами.

Капитан посмотрел на свою команду, как укротитель на зверей. И лицо его постепенно покрывается багровой краской, которая ползет по толстой шее и постепенно заливает все лицо.

□

Сзади командира выросли две бесстрастные фигуры помощников с револьверами в руках...

Напряженная тишина...

Только слышно, как мерно работает винт, да тяжелые волны бухают у борта транспорта.

Фронт дрогнул.

И вдруг все, как по команде, молча... разошлись.

Через минуту на палубе обширного бака остались капитан с двумя помощниками, генерал Хвалынский с группой офицеров и несколько боцманов с смущенными физиономиями.

Командир с багровым лицом повернулся к генералу Хвалынскому и сердито процедил по-английски:

– Это пассивное сопротивление... Проклятая большевистская пропаганда проникла и в наши ряды.

Генерал Хвалынский криво усмехнулся:

– Очевидно...

Командир высыпал целый град английских ругательств и бросил короткий приказ своим помощникам.

Помощники бросились к боцманам и быстро скрылись вместе с ними.

В кают-компании опять собрался совет уже под председательством командира транспорта.

Прибывшие помощники сообщили, что команда решила остаться нейтральной.

– Мы не желаем расстреливать русских солдат, – резюмировал решение их выборный, – но не хотим оказывать сопротивление командиру.

Матросы английского флота хорошо знали, чем пахнет для них неповиновение командиру на море.

И предпочли середину:

– Оставьте нас в покое.

В этом случае, по морским законам, их ждало лишь дисциплинарное взыскание.

Тогда решено было на совете организовать сопротивление своими силами.

Работа закипела.

VI. Бунт

А в трюме, когда услышали боцманские свистки, решили, что наверху уже принимают меры.

На море было тихо. И незачем было “свистать всех наверх” для большой авральной работы.

Медлить было нельзя.

Среди группы смельчаков сразу выделился вожак.

Это был высокий молодой солдат в красной рубашке с возбужденным лицом.

– Ребята, – громко говорил он, – главное – не выдавай. Дружно. Как один – все.

□

Куда нас ведут как скотов? Туркам в кабалу?

Не хотим.

Кругом слышались взволнованные крики.

– Не хотим! Веди!

– Товарищи! – зазвенел голос вожака.

– Мы быстро справимся с офицерами. Ведь это пьяная слякоть! Иностранная команда нас не тронет... Слышите?... Это уже я постарался... Они в стороне будут, ни за нас, ни за них... Верно!

От этой вести настроение сразу поднялось до градуса кипения.

– Веди!... Веди!!

Ревели сотни голосов. Все теснились к дверям, наглухо запертым и охраняемым снаружи взводом жандармов.

– Товарищи! – напрягая все силы голоса, кричал высокий солдат... – Слушайте последнюю команду: баб и детей не трогать, первым долгом генерала за борт, офицеров старших за ним – к чертовой матери... Младших вяжи, стреляй, если будут сопротивляться...

– Правильно!

– Всех к чертовой матери!

– Господа – одним миром мазаны!

Из хаоса голосов опять выделился звенящий металлом голос вожака.

– Товарищи! Помните: мы не разбойники, мы революционеры... Зря крови не лей, врагу пощады не давай... За мной...

Затрещали двери под напором мускулистых плеч.

Вся лавина возбужденных людей выкатилась из трюма.

Первые выстрелы последовали от взвода жандармов – их смяли в момент и тут же выбросили за борт.

Лавина ринулась на верхнюю палубу и здесь встретила полную, подозрительную тишину и пустоту.

На секунду остановились. И с диким криком рассыпались по широким коридорам офицерских помещений.

Сквозь крики, стоны и одиночные выстрелы вдруг выделился четкий ритм пулемета.

Одну секунду его покрыл бешеный рев людей.

На палубу вытащили нескольких офицеров с сорванными погонами, растерзанными мундирами.

В воздухе замелькало несколько бросаемых за борт фигур в мундирах...

И сквозь весь этот шум опять выделился четкий ритм пулемета, прерываемый стонами раненых...

В проходе широкого коридора стояла эта небольшая злобная машина и ровно делала свое разрушительное дело. На корточках, за щитом около пулемета, сидел низенький артиллерийский офицер в очках и методично вертел ручку, направляя дуло во все проходы.

Два молодых офицера были у ленты.

Вся солдатская толпа ринулась из прохода на палубу, оставив кучу убитых и раненых.

На палубе внезапно затрещали пулеметы сверху.

И свинцовый дождь начал поливать всю обезумевшую толпу с мачт транспорта.

Высокий вожак в растерзанной рубашке, залитый кровью, собрал своих смельчаков, уже значительно поредевших, и открыл отчаянную стрельбу из винтовок и револьверов по пулеметам.

Внезапно с командного мостика затрещал новый пулемет – это иностранное командование со своего поста обстреливало неприятеля, направляя всю силу огня в группу смельчаков.

Высокий вожак упал, пронизанный пулями, дрогнула кучка смельчаков...

Люди валялись один за другим.

И внезапно всей возбужденной толпой овладела паника.

Бросали оружие. И бежали.

Тут выяснилась система офицерской обороны.

Соединенные усилия пулеметов загоняли всю обезумевшую толпу опять назад в трюм...

Вскоре палуба опустела... Всюду валялись трупы убитых, стонали раненые, ползали недобитые...

Тогда из своих засад вышли “победители” во главе с генералом Хвалынским.

– Мятеж подавлен! – резко крикнул генерал. – Господа офицеры, – прошу принять на себя все посты часовых...

Генерал был бледен как смерть и все его лицо дрожало мелкой дрожью.

А море было все так же спокойно и величаво...

И транспорт “Грозный” шел все тем же мерным ритмом.

Горизонт окрасился бледно-розовой полосой, и вскоре на темно-зеленую поверхность тяжелых волн выкатился первый яркий сектор восходящего солнца.

Еще несколько минут и вся темно-зеленая масса окрасилась ярко пурпурными тонами.

На палубе шла тяжелая, смрадная работа, которую выполнял весь командный состав белой армии – шла уборка трупов побежденного врага.

Это была действительно “авральная работа”...

Часа три возились “господа офицеры” младшего состава под руководством апоплексического капитана Панкратова над уборкой трупов, которые валялись по всем закоулкам обширного транспорта...

Десять пулеметов Гочкиса поработали на славу!

Вместе с трупами бросали в воду и тяжелораненых, которые не могли уже сами уползти в спасительный трюм.

– Еще возиться с этой сволочью... – коротко резюмировал капитан Панкратов.

И распорядился выдать всем “господам офицерам”, принимавшим участие в этой тяжелой “авральной работе”, из походного цейхгауза специальные брезентовые куртки...

Царских мундиров не хотелось пачкать этой кровью...

VII. Фокстрот... до бесчувствия

Когда солнце высоко взошло и залило своими яркими лучами весь транспорт – все трупы были уже убраны.

И тогда появились иностранные матросы с хмурыми лицами под командой боцманов с помпами в руках... Началась основательная чистка палуб от всех кровавых пятен этой тяжелой ночи.

В трюме царило самое подавленное настроение...

Военный врач с тремя фельдшерами обходил койки с ранеными, стонущими, умирающими людьми. И спешно давал указания фельдшерам.

Те молча и угрюмо выполняли приказания.

– Примите меры антисептики, – отрывисто бросал врач, спешивший выйти из этого ада, – операции будем делать в Константинополе... Где же здесь?

И он сердито оглядел весь тесный трюм, переполненный людьми.

А наверху уже опять гремела музыка.

Румынский оркестр в десятый раз исполнял гимн “боже царя храни”.

Генерал Хвалынский с целым цветником красивых дам пил шампанское.

По коридорам усиленно бегали денщики, наряженные парходными “стюартами”, и дюжинами таскали “поме-ри-сек”, “креман-розе” и прочие шампанские марки.

Разливанное море. Забыты все страхи “ужасной ночи”.

Дамы просят им рассказать “подробности”.

Полупьяные “господа офицеры” охотно выполняют эти просьбы.

– Мы взяли их как зайцев на облаве...

– Ха! Ха! Ха!

– Особенно отличался наш многоуважаемый Валерьян Михайлович. Он поставил пулемет за углом коридора и поливал их оттуда как из лейки...

– Ха! Ха! Ха!

– Недаром он лучший инструктор по пулемету...

– Где же иностранный командный состав? Надо бы их просить...

– Представьте – отказались прийти на наш праздник. Это, – говорят они, – нас не касается...

– Ах, эти англичане! Но ведь и они стреляли?

– Ну конечно, с мостика засыпали пулями.

– Скажите... Это очень мило с их стороны... Господа! За здоровье англичан...

– Английский гимн!!

Румынские музыканты спешно ищут ноты английского гимна... Предусмотрительный дирижер захватил с собой ноты всех гимнов Антанты.

Раздаются звуки “Рулл Британия”.

И немедленно на мостике у перил появляется фигура командира и двух английских морских офицеров.

И замирают в почтительной позе – рука у козырька.

А снизу несутся нестройные крики:

– Хип! Хип! Ура!

И тянутся руки с бокалами шампанского, расплескивая золотистую влагу.

Дрогнуло деревянное лицо командира. Неторопливо опускается он вниз по лесенкам к пирующей компании.

Его встречают овациями. Дамы бросают ему цветы. Несколько офицеров наперерыв кидаются к нему с бутылками шампанского.

А оркестр оголтелых румын с какой-то яростью уже играет ернический фокстрот...

Завертелись пары на вычищенной палубе. Из дальнего угла донеслось разухабистое цыганское пение и взвизгивание цыганок...

Генерал Хвалынский с красным лицом, слегка пошатываясь, подошел к английскому командиру и чокается с ним. И пьет.

Опять крики “ура”... И опять требование гимна.

Окончательно обалделые румыны уже играют какую-то мешанину из гимнов – русского и английского. Их успели также напоить.

В стороне от этой веселящейся компании стоит низенький артиллерийский офицер и сердитый доктор.

Оба трезвые.

– Вот так мы и пропили все наше дело, – тихо говорит маленький артиллерист. – Чуть что – сейчас вдребезги все напьются... Скоты!

Доктор сердито засопел носом.

– Черт знает, что за безобразие... Ведь у меня внизу полтора ста раненых... Половина перемрет, пока в Константинополь приедем.

Артиллерист холодно усмехнулся.

– Нашли о чем заботиться... Пушечное мясо!

И он презрительно повел своими близорукими глазами в сильных очках.

На горизонте вырисовываются неясные силуэты берега... Как из сизого тумана выползают тонкие иглы минаретов, ослепительно-белые на густо-голубом небе.

– Константинополь... – говорит артиллерист, глядящий вдаль в сильный морской бинокль.

На транспорте оглушительно заревела и залаяла морская сирена. И в этом звуке потонуло все...

Впереди показалось дозорное судно под английским флагом – миноносец шел на полном ходу, перерезая курс “Грозному” среди белой пены моря.

Запестрели сигналы на высоких мачтах.

Судно приближалось к рейду Золотого Рога.

VIII. Партия свиней выслана

Очень скоро после отхода “Грозного” из порта большой приморский город С. был уже занят войсками Красной армии.

И тут же быстро был установлен революционный порядок.

Закипела другая жизнь. Куда-то спрятался весь “буржуазный элемент”. Улицы, доселе пустынные, ожили и запестрели тем народом, для которого приход красных был истинным праздником.

На всех уличных перекрестках показались типичные фигуры красноармейцев с винтовками – запыленных, усталых, но с радостными, оживленными лицами.

А около казарм, куда только что вошла и расположилась сильная красноармейская часть, уж звенела гармоника и звучала заливи́стая песня:

Пароходики бегут.

Вода кольцами.

Будем рыбку мы кормить

Добровольцами!

Итак, снаружи все было благополучно – как будто никогда в этом веселом портовом городе и не существовала власть белых.

Но контрреволюция не дремала.

В задних помещениях фешенебельного особняка, закованного и как будто пустого с переднего фасада – шли поспешные приготовления.

Несколько лиц, которые еще недавно фланировали по городу в очень элегантных костюмах – теперь были неузнаваемы: в поддевках, рубашках, косоворотках, с грязными, небритыми щеками, они отлично загримировались “под пролетария”.

И теперь в отдаленной беседке в глухом уголке обширного сада идет совещание контрразведки ушедшей белой армии.

Идет доклад полушепотом, с оглядкой:

– Карасев поступил писарем в штаб Реввоенсовета.

– Семенчук принят сторожем в политпросвет.

Тут же составлен план действий. Даются самые точные инструкции.

Докладчик продолжает:

– Сегодня в Реввоенсовете шло обсуждение очень важных стратегических вопросов. Составлены планы обороны города на случай нападения. Все планы и документы хранятся в кабинете начальника.

– Сколько часовых?

– Трое внизу. Один наверху.

В ту же ночь двое служащих Реввоенсовета из подпольной организации белых спрятались в здании. Проникли в помещение начальника и выкрали все документы.

Наутро трое часовых найдены мертвыми, без всяких признаков насилия.

– Удушены каким-то газом... – говорят призванные врачи, – состав нам не известен.

А на заре таинственные убийцы уже пробрались из глухого места берега на шлюпке к иностранному пароходу.

И исчезли на борту этого парохода, бросив шлюпку на произвол моря. Через час снялся с якоря иностранный пароход под румынским флагом и исчез из вида раньше, чем полная заря занялась над городом С.

Через два часа после обнаружения пропажи документов удалось напасть на следы похитителей.

Одновременно исчезли и двое служащих Реввоенсовета. Самая тщательная слежка привела к таинственному комфортабельному особняку.

Но особняк оказался совершенно пустым, если не считать дряхлого старика, глухого и полуслеплого, жившего в сторожке “за сторожа”.

На все вопросы старик лишь шамкал:

– Не знаю, родимый... Кабыть никто и не жил. Господа давно уехали...

Долго бились с стариком. Хотели его взять, да пожалели: удушье такое хватило его, что чуть не помер.

Так и бросили.

Когда ушли, наконец, из сторожки все допрашивающие люди, дряхлый сторож выпрямил согнутую спину и облегченно вздохнул.

Кашель и удушье сразу прошли, и он не без удовольствия затянулся крепкой сигарой, тихонько посмеиваясь в свою клочковатую бороду.

Через полчаса после этого из той же сторожки вышел средних лет человек, гладко выбритый, в черной поддевке и черном картузе – с виду не то актер, не то комиссионер по закупке скота.

Это был знаменитый за рубежом шпион Клоссинский, которому поручена была организация разведки в оставленном городе С.

Сегодня он сильно рискнул, загримировавшись стариком-сторожем. Но риск был в его натуре.

Клоссинскому удалось раскинуть уже довольно обширную сеть шпионажа в городе. Сюда входили люди самых разнообразных профессий: артистка шантана, швейцар гостиницы, продащица литературы на вокзале, железнодорожный будочник, хозяин при портовом кабачке, бывший директор акционерного общества, ныне служащий финотдела Совета, несколько служащих из мелких, на которых не было обращено особого внимания, и несколько лакеев из оставшихся бывших офицеров, поступивших в рестораны по особой инструкции.

Клоссинский, не торопясь, добрался до городского телеграфа и, скромно выждав очереди, когда принимали частные телеграммы, телеграфировал в Константинополь торговцу Кара-Мустафе следующие несколько слов:

– Партия свиней выслана.

Так извещал главный агент контрразведки белых организацию “Защиты родины” в Константинополе о том, что поручение их исполнено в точности: все планы добыты и отправлены по назначению.

IX. Странные стуки

Уже битый час Сковорцов находился в подвале у сапожника и вместе с подмастерьем разыскивал злосчастные ботинки.

Холмогоров изредка озирался на них и бормотал какие-то невнятные слова.

– Да вы что, обыск учиняете?

– Немного терпения, господин Холмогоров.

– Нет у меня терпения – вот и все, – огрызнулся Холмогоров. – Мне надо на крестины идти – и запирать мастерскую.

Жуков перестал искать ботинки Сковорцова и поспешно принялся исполнять приказание хозяина.

Сковорцов отошел от груды готовой обуви, сел на стол и закурил папиросу.

Тем временем Холмогоров подставил голову под кран и фырkal под холодной водой, изрыгая то и дело ругательства.

Сковорцов решил быть настойчивым и добиться расположения Холмогорова.

– Я с удовольствием вам заплачу за ботинки, которые я не получил, но с тем, чтобы вы разрешили искать.

– Не нужны мне ваши деньги.

– Не может этого быть – ведь вы идете на крестины...

– Оно, конечно, правда, – размяк Холмогоров.

Сковорцов тотчас же вынул бумажник, отсчитал деньги и вручил Холмогорову.

Холмогоров принял деньги, как должное, положил в карман, надел фуражку и, задержавшись в дверях, сказал:

– Когда будете уходить, ключи положите на косяк двери, – и скрылся в темноте.

В сапожной мастерской остались Жуков и Сковорцов.

– Ну, а теперь надо действовать. Ты видишь вот эту штучку? – улыбаясь, показал Сковорцов револьвер.

Жуков с любопытством посмотрел на блестящий предмет и со страхом выжал слово – “вижу”.

– На тебе другой такой же. Положи его в карман. Выйди из мастерской, запри за собой на ключ дверь и положи ключ на косяк, как сказал хозяин, а сам обогни дом, подходи к окну – я его открою – и лезь обратно в окно.

Жуков беспрекословно стал исполнять приказание Сковорцова, помимо воли подчиняясь повелительному тону Сковорцова.

Сковорцов, оставшись один в мастерской, надел на себя фартук Холмогорова, спутал волосы, выпачкал руки и, присев на кожаную табуретку Холмогорова, взял недоконченный сапог и стал стучать по подошве молотком.

В окне раздался стук.

Сковорцов открыл, и в мастерскую прыгнул Жуков.

Жуков был побежден.

Перед ним стоял “барин” в фартуке сапожника, грязный, со спутанными волосами, грязными руками и лицом.

– Теперь, дружок, возьми и начинай заниматься делом. Не слушай моих разговоров, а исполняй мои приказания – на этот вечер я буду твоим хозяином, а ты моим подмастерьем.

Жуков молчал, боялся и был удивлен.

Мысли у него путались, и вместе с тем чувствовал неловкость в кармане от блестящего предмета, переданного ему Скворцовым.

– Скажите, Жуков, богатые заказчики у вашего хозяина?

– Да разные ходят, кто их разберет?

– А заказы кто принимает? Хозяин или вы?

– Это моя обязанность.

– Выходит так, что вы работаете больше, чем хозяин?

– Да, уж, конечно, на то и хозяин!

– Но ведь, насколько я заметил, хозяин здесь мало сидит.

– Да, он не бывает.

– Что ж, ведь он вас часто отпускает, как тогда на пристань, и сам не сидит – кто же работает?

Жукову показались странными вопросы, задаваемые этим чудаком-барином, и он решил больше не отвечать на вопросы барина.

– Это дело не наше, – отрезал Жуков.

Скворцов исподлобья посмотрел на Жукова и решил тоже молчать.

Так они молчали – занятый каждый своими мыслями.

В окно постучали.

Жуков, наэлектризованный, нервно рванулся со своей скамьи, но сильная рука Скворцова усадила и удержала Жукова.

– Вы забыли, дружок, уговор, – спокойно сказал Скворцов.

В окно опять раздался стук.

Скворцов ниже наклонился к сапогу и изо всей силы стал стучать молотком о подошву.

Жуков безапелляционно решил: “мазурики”.

Прошло несколько томительных минут.

В окно больше не стучались...

– Вы стрелять умеете?

– Не приходилось! – ответил сдавленным голосом Жуков.

– Выньте револьвер – я покажу вам, как надо обращаться с ним.

Жуков вытащил блестящий браунинг и передал Скворцову.

– Вот видите, – разрядил револьвер Скворцов, – револьвер без пуль. Вот эту штучку надо вставить в рукоятку – перетянуть дуло и нажимать собачку – револьвер будет стрелять. Имейте его при себе – это вам всегда пригодится – но прибегайте к нему только тогда, когда на вас нападают, – с этими словами Скворцов передал револьвер Жукову...

Как вдруг в двери легко постучались.

Вновь Жуков сделал движение и вновь Скворцов посадил его на место.

В двери еще раз постучались.

Жуков стал терять терпение и уже хотел крикнуть, но Скворцов грязной ладонью прикрыл рот юноше.

Несколько томительных секунд...

В замок кто-то вставлял ключ и стал привычной рукой вертеть его.

– Хозяин... – мелькнула мысль у Жукова.

Но двери открылись...

И наивный юноша увидел незнакомца, стоящего в дверях.

Х. Осталось?.. Нет, прошло

Скворцов низко наклонился к сапогу, скрывая свое лицо и делая вид, что он не обращает внимания на пришедшего.

Незнакомец постоял несколько минут и соображал.

Если это предательство – то надо действовать... если же простая случайность или рассеянность этой старой армейской крысы... то сейчас все должно выясниться.

– Мне нужен сапожник Холмогоров!

– Закройте двери, господин, – мрачно сказал Сковорцов, не отвечая на вопрос незнакомца.

– Я прошу вас ответить. Могу я видеть Холмогорова?

– Можете, – ответил Сковорцов, – только не здесь! Закройте двери.

Незнакомец закрыл дверь и подошел близко к столу.

– Холмогоров продал мне мастерскую – и если вы заказали ботинки или отдали в починку – то я вам выдам ваш заказ.

– Да... я, конечно, пришел за своими ботинками, но я хотел поговорить лично с Холмогоровым – вы сказали, что я могу его видеть.

– Можете, конечно, если вам позволяют...

– Я вас не понимаю...

– Видите ли, Холмогоров продал мне мастерскую и вскоре его арестовали... Он сейчас сидит в тюрьме... И, если вы его хотите видеть, то надо спросить разрешение.

– Ах, вот что... – взволновался незнакомец... – Вы не знаете, за что?

– А кто их разберет, за что? Времена нынче пошли другие.

– Это большая неприятность. Я ему дал задаток... – но Сковорцов стал неистово стучать по подошве молотком и заглушил невнятные слова незнакомца...

– Вы присядьте, господин.

Незнакомец сел...

Водворилось молчание...

– Вы давно сдали ботинки?..

– Да, еще две недели тому назад...

– Жуков, дай книгу...

Жуков передал ему грязную, засаленную книгу и Сковорцов стал перелистывать.

– Я, знаете ли, малограмотный, найдите сами номер заказа...

Незнакомец взял книгу, перелистал ее и коротко сказал:

– Сорок второй.

– Отыщи сорок второй, – коротко приказал Сковорцов Жукову, и этот последний принялся за свое обычное дело, перебирая груды всевозможной обуви.

– Это очень неприятно... – процедил незнакомец...

– Да, теперь всяких берут...

С этими словами Сковорцов встал с своего места, подошел к Жукову и тоже стал искать обувь номер сорок два, став спиной к пришедшему.

Воспользовавшись этим случаем, незнакомец вытащил из жилетного кармана металлический предмет средней величины и стал нервно вертеть в руках.

– Пожалуйста – вот сорок второй! Расшнуруй ботинки барину.

Жуков присел на корточки и быстро расшнуровал ботинки незнакомцу, но в голове Жукова мысли путались, а в душе была какая-то неопределенная тревога.

Когда ботинки были расшнурованы, Сковорцов услужливо подал большие смазные сапоги незнакомцу...

– Я примерять не буду... вы мне их заверните.

Сковорцов заметил металлический предмет в руках незнакомца и решил многозначительно улыбнуться и, может быть этим, заслужить доверие незнакомца.

Когда Жуков стал затягивать веревку вокруг завернутых сапог, незнакомец в свою очередь многозначительно улыбнулся и сказал:

– А все-таки позвольте примерить сапоги – может быть, там гвозди...

Все было понятно...

Металлический предмет в руках незнакомца определился: – это был сапожный гвоздь, но очень большой величины, годный больше для подков, нежели для сапог из самой грубой кожи.

– Вы не беспокойтесь, сударь, там гвоздей нету – у меня подмастерий опытный!

Два незнакомых человека прекрасно понимали друг друга...

Дело заключалось в сапожном гвозде, столь таинственном для Скворцова и слишком понятном для незнакомца...

Жуков вручил пакет незнакомцу...

Скворцов заложил руку в карман и пристально смотрел на незнакомца...

Незнакомец как-то суетливо шарил в карманах и металлический предмет выпал из его рук.

Незнакомец не обратил на это внимания, а Скворцов незаметно наступил на гвоздь.

Незнакомец вручил деньги Скворцову... и направился к выходу.

– Сапожный гвоздь!... – пробурчал Скворцов...

В ту же минуту незнакомец вернулся обратно...

Что-то щелкнуло в руках у Скворцова...

Это слышал незнакомец и страшно был удивлен при виде больших карманных часов в руках у Скворцова...

– Который час?

– Без четверти двенадцать...

– Слишком много времени!...

– Осталось? – спросил Скворцов...

– Нет, прошло... – ответил незнакомец.

– Господин, вы возьмите вашу палку, – подал ему Жуков.

Скворцов перехватил палку, быстро осмотрел ее со всех сторон и подал незнакомцу.

Незнакомец буркнул ему:

– А как же сапожный гвоздь?

– У вас в кармане.

Незнакомец вынул из кармана телеграмму и подал Скворцову – Скворцов прочел:

“Партия свиней выслана”.

– Ни с места, мерзавец! – накинусь на незнакомца Скворцов... Но в ту же минуту на руках Скворцова оказались наручники.

Он был оглушен сильным ударом... и все потемнело...

Номер сорок два

I. Не робей. Еще поборемся

Транспорт “Грозный” бросил якорь в рейде Золотого Рога... Перед глазами беглецов белой армии открылась роскошная панорама Константинополя с его дворцами, садами и белыми минаретами на фоне ярко-голубого неба.

На берегу кипела жизнь. И всем хотелось скорее окунуться в нее, уйти от постылого прошлого, забыться от тревог и волнений...

Но необходимые формальности отняли еще часа три. И лишь около полудня началась высадка эмигрантов.

Первыми, конечно, съехали на берег генералы во главе с Хвалынским и старшие офицеры со всем дамским персоналом.

Младшему офицерскому составу досталась на долю нелегкая задача: “сдавать трюм”.

Эта часть “эмигрантского груза” была ужасна. Даже невозмутимые турки – врачи и санитары – пришли в большое смущение, когда вошли в это помещение страдания.

Больных сдавал сердитый военный врач, который предсказывал накануне, что половины не доведет живыми. И, действительно, в первую очередь, санитары вынесли семьдесят трупов солдат.

Затем последовала длинная вереница больных и раненых, среди которых находились женщины и дети.

Английский санитарный транспорт принял несколько сотен этого “скорбного груза”.

И только после этого началась выгрузка “нижних чинов”, поднявших бунт на судне...

Решено было отправить всю эту партию в четыреста пятьдесят человек немедленно в концентрационный лагерь.

И, так как могли ожидать сопротивления от этих “распропагандированных людей”, то британское командование взяло на себя эту задачу.

В эту группу попал и запоротый шомполами Дроздов. И как ни хлопотала Таня Винокурова о своем несчастном женихе, чтобы его отправили не в лагерь, а в лазарет – ничего не могла добиться.

Сердитый доктор сказал ей:

– Ну, матушка! Если всех выпоротых считать больными, так у нас пол-армия больна...

Цинично засмеялся и ущипнул ее за щеку.

Таня вспыхнула. Ей очень хотелось дать хорошего туза по откормленной докторской морде, но надо было терпеть.

Ведь теперь она была чуть не крепостной горничной жены генерала Хвалынского – на чужой земле, где найдешь управу?

Для выгрузки бунтовщиков на двух транспортах прибыл целый полк полудиких гурков под командой английских офицеров.

– Этих не распропагандируешь! – самодовольно говорил апоплексический капитан Панкратов. – Ишь, какие морды – посмотреть любо!

И действительно, это колониальное войско Британской империи, вывезенное из далекой Индии, производило внушительное и мрачное впечатление своими темно-бронзовыми лицами, густо обросшими черной щетиной.

Английские офицеры бросали короткую команду, ее подхватывали отделенные начальники гурков. И вся эта темнобронзовая масса точно, бесстрастно и автоматически выполняла свое дело.

Разоруженных солдат партиями выводили из трюма под сильным конвоем и грузили на британские военные транспорта.

Угрюмые, оборванные люди не замечали ни красоты расстилавшегося перед ними ландшафта, ни яркой пестроты окружающей их жизни...

Все это было не для них.

В одной из партий чуть ковылял Дроздов.

Его дерзкому жизнерадостному сердцу тяжела была эта неволя еще больше, чем остальным – недаром в его аттестационной книжке стояла роковая отметка:

– Один из инициаторов бунта.

Стиснув зубы от боли, Дроздов старался бодрее шагать, по привычке высоко поднял голову и вдруг увидел, среди кучи любопытных на берегу, румяную рожицу своей Тани.

Она махнула ему рукой с белым платочком.

Волна радостного озорства нахлынула на Дроздова, и он закричал своим звонким тенором:

– Танюшка! Не робей... Еще поборемся!

И тут же получил сильный удар прикладом в бок, от которого дух занялся.

Конвоир-гурк грубо схватил его за шиворот и толкал в самую гущу рядов.

Другой гурк сильно двинул его кулаком в ухо. В глазах пошли круги зеленые, красные, оранжевые...

И, как сквозь туман, Дроздов слышал ответный крик своей Тани.

– Милый! Держись! Найду тебя!..

Этот тонкий крик оборвался на рыдающей ноте и потонул в общем хаосе голосов и звуков шумного порта.

Дальше Дроздов уж ничего не помнил – свалился с ног как сноп. И то, чего не захотел сделать для больного Дроздова сердитый и немилостивый военный врач – сделали милосердные гурки: уложили своими руками Васю Дроздова в лазаретную тележку в бесчувственном состоянии.

А партия русских добровольцев “славной белой армии” длинной вереницей, под сильной охраной бронзовых гурков, следовала своему назначению: в концентрационный лагерь объединенного англо-франко-турецкого командования.

“Блистательная Порта” была теперь под бдительным надзором жестокого британского кулака, приправленного изысканным французским надзором.

II. Горький смех... от сладкой надежды

Командный состав белой армии был принят Константинополем значительно гостеприимнее, чем “нижние чины” той же армии.

Генералу Хвалынскому и всему высшему командованию были отведены роскошные особняки в европейской части города – Перу.

Младший офицерский состав был помещен не столь роскошно, но все же достаточно комфортабельно в обширном общежитии при монастыре Константинопольского патриарха.

Греческих монахов эвакуировали временно на дачу.

Вообще в Константинополе турецкое влияние заметно отошло на задний план – британский лев залез сюда всеми четырьмя лапами и широко расположился рядом с французским “галльским петухом”.

Таня Винокурова была немедленно взята в муштровку генеральшей Хвалынской.

– Ну, милая! – Прежде всего – долой эти лохмотья... Ты теперь европейская горничная – изволь одеться прилично...

На Тане было простенькое платье и красный платок на голове.

- И красную тряпку долой!
- Но позвольте, гражданка Марья Николаевна.
- Элегантная генеральша сделала очень злые глаза.
- Я тебе покажу такую гражданку, милая моя, что небо с овчинку покажется.
- За что?
- А за то, что здесь надо бросить всю эту ерунду...

Таня не сдавалась.

- Но позвольте! Ведь я не пленная...

Генеральша злобно захохотала.

- Поговори еще! Велю в лагерь отправить и будешь пленная...

Таня решила временно покориться. Плетью обуха не перешибешь: видно наше впереди будет, надо потерпеть.

Она опустила глаза и притворно-смирненно проговорила:

- Слушаюсь, барыня... Генеральша улыбнулась милостивее:
- Вот так-то лучше... Иди и не глупи!

Через полчаса Таня уже бегала по роскошному особняку в костюме французской субретки с самой веселой улыбкой на губах. На душе у нее скребли кошки. Так началось заграничное воспитание Тани Винокуровой.

В роскошном особняке, который заняли Хвалынские, помещался между прочим и “Совет Защиты Родины”, занимая весь верхний этаж особняка.

Каждый вечер в этом этаже происходили секретные заседания, в которых принимал участие и генерал Хвалынский, назначенный товарищем председателя совета. Председателем был бывший царский министр земледелия, женатый на богатой московской купчихе.

Сюда по вечерам собирались все крупные бывшие люди. И, когда кончалась официальная часть заседания, то начиналась другая, неофициальная, с приличной выпивкой и закуской.

Эта “часть” пользовалась большой популярностью среди эмигрантов.

Организацией этой популярной части заведовала генеральша Хвалынская, а Таня служила там, подавая вино и закуску.

Мало-помалу к ней привыкали. И теперь Таня получила уже возможность подавать чай и на самих “секретных заседаниях”.

Все бывшие люди невольно засматривались на эту свежую девчонку, которая бойко подавала чай, кокетливо прислуживала и совершенно незаметно для заседавших понемногу вникала в самые секретные дела, скромно спрятавшись за тяжелой портьерой.

Теперь вопрос шел об иностранных субсидиях.

Вопрос самый острый для всей эмиграции.

- Дают... – говорил седой председатель, – но все же скупое... за последнее время...
- Почему?

- Разочарование... Слишком много сожрали эти неудачные наступления.

- Один Деникин сколько стоил...

- Ха! Ха! Да, Деникин влетел им в копеечку...

Седой председатель укоризненно поглядел на хохотавшего Хвалынского.

- Не понимаю вашей радости, ваше превосходительство... Ведь это теперь отражается на всем нашем деле...

Генерал Хвалынский спохватился и сморщился.

- Это не радость, ваше высокопревосходительство, Александр Васильевич... Это горький смех...

- А... горький... Это дело другое... Но нам теперь не нужен ни горький, ни сладкий смех – нам нужно реальное дело...

Председатель повысил голос и повторил:

– Вы слышите, господа: реальное дело!

Все присутствующие зашевелились и напряженно прислушались.

– Реальное дело, – повторил председатель, – иначе нам грозит полное прекращение субсидий со стороны союзников. Я совершенно точно осведомлен и считаю своим долгом вас об этом предупредить...

Председатель замолчал и сердито оглядел всех присутствующих. Этому отставному сановнику, успевшему вовремя перевести приличную сумму из жениного приданого за границу, уже давно надоело возиться с этими эмигрантскими отбросами, которые еще недавно были “блестящими людьми” а теперь стали лишь неумелыми прихвостнями, пожирающими иностранные субсидии.

Среди мертвого молчания, председатель продолжал сурово:

– Если мы не могли оправдать доверия наших теперешних хозяев организацией открытой военной силы – нам остается один путь: скрытого вреда врагу. Мне не нужно вам пояснять это дальше – все вы высшие военные чины и должны сами знать, что нужно теперь делать...

После речи председателя все облегченно вздохнули.

– Значит, еще не потеряна надежда на дальнейшие субсидии?

– Это – главное... Остальное пустяки – все будет сделано...

Так решен был план открытия действий для скрытого вреда неприятелю.

Вечер закончился все же обильными возлияниями шампанского и прочих вин.

Это уже был обычай.

III. II Интернационал и... фунт

Через три дня после этого заседания в помещении “Совета Защиты Родины” шло великое ликование...

На румынском грузовом пароходе прибыли агенты контрразведки и привезли секретные планы обороны города С., выкраденные из штаба Реввоенсовета.

Это была крупная ставка в зарубежной эмигрантской игре.

И опять широко раскрылся британо-французский кошель, только что перед этим захлопнувшийся перед носом “почтенной компании”.

Теперь генерал Хвалынский, которому удалось организовать, по его словам, этот “трюк” – высоко поднял голову...

Был разменян в Оттоманском банке крупный чек и генерал с генеральшей долго разъезжали по магазинам европейской части в шикарном автомобиле...

В результате этих поездок у красивой генеральши появилось роскошное кольцо из бриллиантов с жемчугами, па-рюр из изумрудов и роскошный горностаевый палантин.

Три дня Таня должна была принимать бесконечные картонки с шляпами, ботинками, платьями.

Поставщики ходили в роскошный особняк вереницами – шампанское ящиками, дорогие вина, закуски, сигары – все это потекло широким потоком в особняк.

И когда дан был раут с открытым буфетом в помещении особняка, куда собрался весь цвет русской колонии с представителями иностранцев – для всех стало ясно, что дело “защиты родины” стоит очень твердо.

Генеральша Хвалынская блистала нарядами и бриллиантами, возбуждая невольную зависть не столь счастливых дам из белой эмиграции.

Маленький артиллерист в очках стоял в проходе вместе с сердитым военным врачом и ехидно говорил:

– Вот они куда идут иностранные денежки... Славно! Экие прохвосты...

В штатском платье с чужого плеча, маленький артиллерист выглядел какой-то ошипанной птицей в больших очках.

Военный врач сердито засопел:

– Прямо подлецы! Жрут здесь шампанское, а у меня в концентрационном лазарете люди мрут как мухи... Опять открылась цинга...

Румынский оркестр заливался какой-то невероятно страстной мелодией. Дирижер, казалось, от наплыва этой страсти хотел вылезть из самого себя...

Открытый буфет с высокой белой стойкой, за которой стояли негры в белоснежных костюмах, брали приступом.

Было громадное требование на коктейли.

Доносились восклицания:

– Трипл кулер!

– Еф-коктейль!

– Финь-сек...

□

Негры мешали разноцветные ликеры, добавляя туда яйцо, коньяк, ром.

И все эти ядовитые напитки поглощались жадной толпой.

Генерал Хвалынский в новом элегантном фраке с красной лентой на открытом жилете и сверкающей звездой у борта фрака стоял с высоким, чисто выбритым англичанином с деревянным лицом и толстеньким французом с седой козлиной бородкой.

Он почтительно говорил своим собеседникам по-французски:

– Этот раут я устроил в честь нашего объединения с представителями II Интернационала...

Англичанин высоко поднял брови, француз сомнительно улыбнулся...

– Вы им верите?

– О! Теперь это наши преданные друзья... Впрочем, вы услышите речи...

Англичанин серьезно спросил.

– Это дорого будет стоить?

Генерал Хвалынский пожал плечами.

– Мы не выйдем из сметы... Но результаты вы увидите...

На откормленном лице француза появилась жестокая черта.

– Имейте в виду, что на этот раз мы не выйдем из сметы ни на один сантим...

Генерал Хвалынский вежливо поклонился.

– Мы это помним, monsieur.

Из угловой комнаты вышел субъект с распорядительским значком, перемигнулся с генералом и сделал знак румынскому оркестру.

Оркестр замолк.

И сразу водворилась та напряженная тишина, которая предшествует какому-либо событию.

Даже неугомонные пьянчуги у бара замолчали.

Из глубины второй гостиной выступил худой субъект в черном сюртуке и встал в ораторскую позу.

Распорядитель зычно провозгласил по-французски:

– Представитель II Интернационала скажет слово.

Среди наступившей тишины раздался слегка скрипучий, картавящий голос:

– Если бы мир знал, если бы знала истерзанная Россия, что вот в этих стенах, вдали от голодающих и поедающих друг друга крестьян, выковывается вечный союз между великим русским народом и его зарубежными друзьями, то я вам ручаюсь, господа, что весь русский

народ встанет, как один человек, против деспотов-большевиков... Второй Интернационал, – повысил голос оратор, – должен сыграть мировую роль в деле защиты интересов всех классов. Мы прежде всего должны объявить собственность священной.

– Но – тут голос оратора достиг вершины пафоса, – нужно очень торопиться, господа! Пока в России еще не ликвидирован голод. А к этой ликвидации уже приняты меры. Вспомните слова великого русского преобразователя: промедление смерти подобно!

Оратор замолк и хитрыми глазами оглядел аудиторию.

После секунды молчания раздались жидкие аплодисменты.

Оратор поклонился с большим чувством и отошел.

Англичанин серьезно произнес:

– Он хорошо говорил... Но сколько это будет стоить?

У француза глаза сделались совсем жадными.

Раут продолжался. Опять бар заработал на славу.

IV. Царская стоянка

Пока верхушки белой эмиграции весело проживали иностранные субсидии под соусами разных “внутренних и внешних” выступлений против ненавистой советской власти, эмигрантская “середина” далеко не благоденствовала.

От пышного стола доставались лишь крохи, собственные сбережения таяли, как лед на солнце.

Жизнь в “международном центре”, как называли теперь Константинополь, становилась все дороже и дороже...

Сюда нахлынуло из Европы множество авантюристов со всевозможными проектами “использования страны возрождения полумесяца”.

И в этой пестрой, жадной до жизни толпе международной разбойничьей банды – невольно терялась средняя белая эмиграция, которая умела до сих пор у себя на родине лишь проживать готовые деньги да жить на чиновничьем казенном содержании – военного или иного какого-либо министерства.

Да, пришлось нелегко!

И надо было спешно выбираться из положения. Иначе грозила нищета в чужом городе!

Идею дал, как всегда, глава эмиграции:

– Генерал Хвалынский!

Ему уже давно надоели эти люди, которые решительно негодны были для конспиративных работ по контрразведке.

– Как дорвутся до вина – пиши пропало!

Куда их девать – этих “профессионалов револьвера” – людей, которых с детства, со школьной скамьи корпуса и до самой войны учили только одному:

– Как нужно убивать людей!

Был собран совет, который должен был решить вопрос утилизации этих оставшихся без дела – профессиональных убийц.

Решено было “для усиления средств” “Защиты родины” открыть... кафе-шантан.

Эта идея всех привела в восторг.

– Во-первых – это весело...

Всегда музыка, пение, обнаженные бабенки на эстраде, вино и т. д.

– Во-вторых – это выгодно...

Масса заезжих богатых иностранцев скучает, деньги им девать некуда и т. д.

– В-третьих – это необходимо для... конспирации...

Почему именно кафе-шантан необходим для конспирации – этого никто, в сущности, понять не мог...

Но решили, что это необходимо.

Главное, что при таком деле можно было занять решительно всех – от старцев, убеленных сединами и украшенных орденами и до младенцев.

– Что может быть эффектней – метр-д’отель с Анной на шее... – говорил один действительный статский, метивший на этот пост. – Какой шикарный укор родине! Смотрите! Кого вы потеряли...

Субсидировать дело для начала взялся все тот же предприимчивый генерал Хвалынский из “секретных сумм”.

Было снято шикарное помещение на главной улице Перу, собраны все те же многострадальные румыны и цыгане, которые кочевали по неизвестным им самим причинам за белой эмиграцией.

Открылась запись в конторе на самые разнообразные должности: официантов, кельнеров, барменов, швейцаров, судомоек, артисток, певцов, музыкантов, билетеров, контролеров, кассиров и т. д.

Целый выводок элегантных дам эмиграции записался в кельнерши, им понтировали гвардейцы – кельнерами.

Полковник Пузырев оказался знатоком кухни и взялся за шефство в этой области.

Ротмистр князь Налимов на своем веку выпил несметное количество коктейлей.

И потому он объявил себя барменом...

Его долго убеждали выкраситься “под негра” для шика, но благородный князь не согласился.

– Не хочу марать честь рода!

Нашлись певцы и певицы, танцоры и танцовщицы.

Генерал Хвалынский благосклонно принял на себя обязанности антрепренера.

И придумал шантану громкое название:

– “Царская стоянка”!

На торжественном открытии с приглашением иностранных гостей чуть не выпили всего погребса сами... И лишь вовремя принятыми мерами пресечения было спасено от гибели в день открытия столь полезное и выгодное предприятие.

Как бы то ни было, а “Царская стоянка” заработала и на время заткнула многие эмигрантские дыры.

И совершенно неожиданно для самих учредителей оказала им услугу именно в том пункте, который вызывал самое большое сомнение.

На этот “огонек” пошла вся темная конспирация, которая давно бродила около эмигрантских субсидий.

В отдельных кабинетах начались таинственные совещания, появились личности неизвестного происхождения, но за деньги на все готовые.

И тут начала подготавливаться понемногу та контрразведка, которая потом пышным цветом распустилась во многих углах Советской России.

Было заключено несколько таинственных договоров “на всеобщую порчу и разрушение”, агенты получали авансы, снабжались необходимыми сведениями и инструкциями.

И выезжали на места действий в распоряжение главного агента контрразведки на местах.

“Центр действия” решил: начнем со взрыва мостов.

И заработал условный телеграфный код.

V. Кукуруза “Герман Клоссе” из Гамбурга

В комиссионной конторе по закупке и сбыту сельскохозяйственных орудий и семян “Герман Клоссе из Гамбурга” на одной из самых людных, торговых улиц столицы с утра шла обычная сутолока.

Десятки клерков-иностранцев в конторе писали, считали, щелкали на счетах. Их осаждала публика.

В кабинете за стеклянной перегородкой сидел главный бухгалтер; перед ним лежала кипа зеленых ордеров, на которых он делал быстрые пометки.

В глубине конторы виднелась дверь с внушительной надписью:

– Кабинет директора. Без доклада не входить.

И у двери стоял здоровенный молодец в синей тужурке, охранявший вход.

Иностранная контора была признана очень полезной по своей деятельности – она, на самых льготных условиях долгосрочного кредита, снабжала сельские кооперативы нужными машинами.

Нужда в таких машинах была очень велика.

В директорский кабинет вошел курьер и безмолвно положил на стол кипу телеграмм.

Директор читал газету и дымил сигарой. Не отрываясь от чтения, он метнул косой взгляд на телеграммы и быстрым движением придвинул их к себе.

Когда вышел курьер, директор бросил газету, занявшись телеграммами. Он быстро разрывал их, пробегал, делал отметки красным карандашом и откладывал в сторону.

На одной телеграмме из Константинополя он задержался подольше.

Телеграмма гласила:

– Кукуруза выслана 17.23. Тара следует скорым 9.15. Накладные 28. 5. 43. 19. Гибкен.

Директор нажал на звонок. Вырос курьер.

– До 12 часов не принимаю. Занят.

Курьер безмолвно поклонился и вышел.

Затем директор быстро произвел следующие манипуляции одна за другой: подошел к окну, нажал незаметную кнопку у косяка, открылась небольшая потайная дверца в стене.

Он вынул оттуда листок синей бумажки, достал широкий флакон с бесцветной жидкостью и на секунду опустил туда бумагу.

Выступили на бумаге знаки и цифры.

Директор взял телеграмму и внимательно сверил ее текст с знаками и цифрами бумаги.

Пока бумага не высохла, он быстро набросал карандашом следующие слова:

– С особым человеком выслана партия лидита. Доверенный везет шестьдесят тысяч. Пароль обычный. На очереди взрывы железнодорожных мостов.

Внимательно прочтя эти слова три раза, директор зажег спичку и сжег написанное.

К этому времени синяя бумажка совершенно высохла и с нее исчезли все следы цифр и значков.

Директор быстро захлопнул крышку потайного шкафа и на темных обоях не осталось никакого следа.

После 12 часов у директора открылся прием посетителей.

Потянулся ряд обычных клиентов, которых директор отпускал с быстрой, методической вежливостью иностранца.

Один посетитель, в серой сибирке, с черной густой бородой, задержался подольше.

Он имел вид состоятельного деревенского купца-кулака из простых.

Посетитель расстегнул сибирку, под ней оказалась русская рубашка-косоворотка с жилетом. По жилету змеилась золотая цепь и болтался брелок-медальон в форме якоря.

Директор пристально поглядел на этот медальон, усмехнулся одними глазами и вынул серебряный портсигар, на крышке которого красовался среди инициалов совершенно такой же медальон-якорь.

– Не хотите ли закурить? – любезно предложил он посетителю.

Посетитель метнул острый взгляд на крышку портсигара и, усмехнувшись углом рта, взял сигару.

– Можно и закурить с хорошим человеком, – медленно цедя слова, проговорил он.

Некоторое время они молча курили и смотрели друг на друга, точно ощупывая глазами. Затем начался такой отрывистый разговор:

– Ваш цвет?

– Голубой.

– Номер явки?

– 17 и 23.

– Предъявите...

Деревенский купец взял в руки медальон со своей цепочки, открыл его и показал внутри маленький якорь голубого цвета, врезанный в нижнюю крышку.

И опять закрыл его.

Директор молча кивнул головой и продолжал:

– Внесете сегодня?

– Да.

Директор позвонил.

– Позвать бухгалтера.

Вошел солидный человек с брюшком, в очках, сидевший в конторе за стеклянной перегородкой.

– Густав Карлович, – обратился к нему директор. – Примите от представителя энского союза в счет заказа на трактора. Условие я заключил лично.

– Какая сумма? – осведомился бухгалтер.

– Шестьдесят тысяч...

– Прошу ко мне.

Посетитель неторопливо поднялся.

– После взноса прошу ко мне, – любезно сказал ему директор.

В кассу комиссионной конторы по закупке и сбыту сельскохозяйственных орудий и семян Герман Клоссе из Гамбурга поступила сумма в шестьдесят тысяч рублей от представителя союза энских кооперативов на заказанные трактора.

После взноса щедрый заказчик прошел в кабинет директора. Директор любезно предложил ему гаванскую сигару и сказал:

– Я думаю, нам удобнее будет побеседовать за стаканом вина. Жду вас к себе к пяти часам.

И дал ему адрес.

VI. Что решили за бутылкой вина

На столе стояла бутылка красного вина, ваза с фруктами и большой кусок сыра.

Но собеседники забыли о своем угощении, они заняты были изучением карты, на которой особыми значками выделялись все крупные мосты железнодорожных линий.

– Вот сюда... – говорил директор, водя пальцем по черной линии, – нужно послать самых опытных людей. Большой завод на линии дороги и постоянно снабжается материалами и хлебом... Ударный завод. Вот – мост. В двух верстах от завода.

Его собеседники – известный нам представитель союза кооперативов и другой – бритый брюнет с лицом хищной птицы внимательно следили за пальцем директора.

И время от времени отмечали что-то в своих блокнотах.

– Господин Кара, – закончил директор, – вам поручается вся подготовка этого дела.

Хищный брюнет кивнул головой.

– Вы, Браун, – обратился директор к бородатому представителю, – озаботьтесь доставкой нужного материала...

Совещание было кончено.

Через два дня после этого Кара подъезжал к шумному вокзалу.

Он протиснулся сквозь толпу в большом зале и подошел к киоску с литературой.

– Товарищ! Дайте мне “Известия”.

Продавищица-барышня подняла глаза, взяла газету и протянула. Кара вынул портмоне, заплатил деньги и вслед за этим вынул медальон в форме якоря.

Продавищица острым взглядом впилась в медальон, улыбнулась и дотронулась рукой до своей брошки, которая оказалась тем же медальоном в форме якоря.

– Ваш цвет?

– Красный.

– Номер явки?

– 14 и 2.

– Вас ждут на 42 версте в будке сторожа... Поезд отходит через полчаса.

Все это было сказано быстро, так, что несколько посетителей, покупавших в это же время газеты, ничего не расслышали.

Кара осторожно взял небольшой чемодан, который он держал между ног и, забыв захватить купленную газету, быстро пошел к двери с надписью “Отход поездов”.

У дверей артельщик протянул ему купленный для него билет.

Еще через полтора часа Кара входил в сторожевую будку разъезда 42-й версты и там бережно сдал свой чемодан встретившему его сторожу после условного обмена теми же медальонами.

С большими предосторожностями открыли чемодан в сторожке и вынули оттуда несколько металлических шашек и длинный бикфордов шнур.

В это время в дверь сторожки раздался стук.

Кара быстро выхватил револьвер.

– Савельев... – угрожающе крикнул он. – Кто это?

Сторож быстро накинул шинель на шашки.

– Черт его знает... – пробурчал он сердито.

Он подошел к двери, и, не пуская стучавшего, вышел наружу.

Молодой парень с котомкой стоял у дверей.

– Эй, дядя! Далеко ещё до станции?

Сторож сердито выругался.

– Ну тебя к чертям! 8 верст...

Парень устало опустил на сложенные шпалы.

– Устал, дядя! Верст 15 пру... пешком.

– Проваливай, – мрачно сказал сторож. – Не до тебя... Хозяйка заболела.

– Да ну... – сочувственно протянул парень, который тем временем закурил папироску-самокрутку, – сам-ка я посмотрю... Я хоть сапожный подмастерье, да кой-чему научился на службе...

И он двинулся к дверям.

Сторож решительно загородил дверь.

– Не замай, говорю... Проходи, шалыган!

Жуков (это был наш старый знакомый из города С.) пожал плечами и сплюнул.

– Ишь, какой сердитый... Ну, черт с тобой!..

Он поднялся с места и усталой походкой поплелся вдоль полотна, накинув котомку на плечи.

Жуков направлялся домой к родителям. Две недели назад он получил письмо следующего содержания:

– Дорогой Колян! Перво-наперво родители шлют тебе поклон до сырой земли, еще кланяется тетка Арина Ивановна, дяденька Евдоким Семенович да Матанька с Катькой. А как получишь это письмо – приезжай домой, потому довольно тебе шататься по сторонам. У нас корова отелилась. Отец твой теперь работает на заводе и тебя туда пристрою.

Колян Жуков получил это письмо и решил ехать. Но денег хватило до Москвы, а от столицы пришлось переть пешком или ехать зайцем. Теперь до деревни оставалось верст 30, надо было дойти до следующей станции и на первый поезд пристроиться зайцем.

Больше одной станции зайцем трудно было теперь ехать – выбрасывали и штрафовали.

С такими невеселыми думами плелся Жуков по полотну.

А в сторожке Кара пережил несколько тревожных минут.

Револьвер был уже наготове. Он решил прикончить случайного прохожего, который мог помешать в последний момент выполнению важного плана.

Теперь в сторожке шло поспешно совещание.

Намеченный мост был на 48-й версте, за две версты от станции, где находился завод. Поезд с продовольствием для завода и с ценным сырьем должен был пройти в 6 часов вечера.

Теперь было 3 часа. Надо было успеть все проделать за час до прохода поезда.

А работы было еще немало: окольными путями надо было подъехать к мосту и незаметно все сделать. Да надо еще убрать сторожа на мосту.

Через час маленькая тележка катилась проселочной дорогой. В ней сидел Кара и сторож, переодетый в кучерский костюм. У Кары на руках бережно хранился чемодан.

А Жуков устало шагал по узкой дорожке вдоль полотна и звонким тенором распевал под гармошку:

Ходи верхом, ходи низом,
У Матани дом с карнизом.
Ах, Матанька, моя мила
Красота тебя сгубила!

чтобы как-нибудь скоротать скучную безлюдную дорогу.

VII. На что иногда пригодится рубашка

На Релюбинском заводе был митинг в обеденный перерыв.

Рабочие волновались. Вот уже неделю не привозят продовольствия в кооперативную лавку; паек дошел до четверти фунта на день.

Сил нет работать. Да и сырья совсем мало.

Секретарь ячейки говорил с трибуны.

– Товарищи! Вы знаете, мы прилагаем все усилия, чтобы не было перебоев в деле продовольствия. Но иногда обстоятельства сильнее нас. Теперь могу вас успокоить: сегодня получена телеграмма, что маршрутом следует поезд с продовольствием и сырьем.

Послышались радостные крики “ура”. И загремел взрыв аплодисментов.

– Наконец-то!

Гудит послеобеденный гудок и все расходятся по мастерским.

Уже около пяти часов Жуков подходил к большому железнодорожному мосту и совсем было собрался шагнуть на пешеходную дорожку, как услышал окрик:

– По мосту не ходить!

И выросла фигура сторожа с винтовкой.

– А где же пройти, товарищ?

– В обход... Через овраг...

Жуков почесал затылок.

– Еще крюку давать... Ну, делать нечего...

Он пошел вдоль откоса оврага, выбирая место, где бы получше перейти и за бугорком присел покурить в глубине оврага.

Устал больно!

Тем временем к сторожу на мосту подошел наш знакомый сторож разъезда 42 версты и в разговоре угостил его папиросой.

Мостовой сторож затянулся раза три и свалился с ног без чувств.

Савельев спокойно оттащил бесчувственное тело в кусты зеленых путевых заграждений, поднял винтовку и встал на прежнем посту у охраны моста.

Все было сделано так быстро и бесшумно, что сидевший за бугром Жуков ничего не слышал.

Жуков поднялся было идти через овраг, да обернулся и замер на месте.

Ему, невидимому с моста из-за бугра, видно было, как человек карабкался по узкой железной лестнице быка.

– Мастер, что ли, дорожный... – подумал Жуков, – починка...

И стал следить пристальнее, сам не зная почему.

Он увидел, как человек добрался до рельсового пути, что-то закрепил или положил там и быстро спустился, оставив за собой какой-то длинный шнур.

– Эге... Да это никак взрыв готовят! – мелькнуло в голове у Жукова.

И он весь похолодел.

Вдруг всю усталость как рукой сняло. Тело бросило как на пружинах.

Он выскочил из-за бугра и бросился на полотно перед мостом.

– Надо дать сигнал! – мелькнуло у него в голове...

На полотне у моста было пусто. Сторож куда-то исчез.

Вдали послышался гул приближающегося поезда.

– Сигнал! – как молния мелькало в голове у Жукова.

– Чем?..

Он метнулся к мосту, наклонился и вдруг увидел, как длинный шнур загорелся у конца.

Какая-то черная фигура пробиравась по оврагу в его сторону, осторожно прячась за все выступы и кусты.

Вдали показался дымок паровоза.

– Сигнал! – с отчаянием подумал Жуков и в эту секунду взгляд его упал на собственную красную рубашку.

В мгновение красная рубашка была разорвана на полы и замоталась в руках Жукова.

Раздался с паровоза свисток. Поезд замедлил ход.

Ни о чем больше не заботясь, Жуков стрелой помчался по мосту к намеченному быку, спустился вниз и своим походным ножом успел перерезать шнур, горящий конец которого упал вниз.

Кубарем скатился по узкой лестнице Жуков по быку и бросился в ту сторону, где скрывался черный незнакомец.

Тот заметил его из-за куста и оттуда загремел выстрел, затем другой.

Промах!

Черный незнакомец бросился бежать, Жуков за ним.

Куда девалась усталость! Теперь сказался первый бегун и озорник Колян Жуков.

С остановившегося поезда тем временем сбежалась публика, поездная бригада. И все с вершины моста смотрели на зрелище двух бегущих людей.

Кара бежал теперь ровным сильным бегом в сторону леса, прилегающего к заводу, Жуков следовал за ним отчаянными прыжками, крича:

– Держи! Держи! Он мост взрывал!

Бросилось за ним несколько человек из поезда.

Кара на всем ходу круто повернулся и побежал к заводскому поселку – здесь он думал или лучше скрыться или дорого продать жизнь.

По дороге попалась вышка пожарного наблюдателя. Кара быстро вбежал туда, рассчитывая, что Жуков его не видал за углом, но Жуков увидел только конец его ноги и бросился туда.

На высокой площадке враги бросились друг на друга, запутались в веревках сигнального колокола...

И ударил частый, тревожный набат! Загудели тревожные гудки в мастерских... И через пять минут чуть не весь завод бежал к поселку.

У всех на устах было одно:

– Где пожар?

А набатный колокол все бьет и бьет тревогу.

Наконец, вбежали люди на вышку и нашли здесь двух полумертвых от усталости людей, крепко держащих друг друга в объятиях. Разняли их.

– Товарищи... – еле прохрипел Жуков, – держите его... Он мост хотел взорвать...

И свалился с ног.

Полубесчувственного Кару связали по рукам и свели вниз.

Немедленно по телефону сообщили в Москву.

Через двадцать минут на стосильной машине выехал инспектор уголовного розыска на место происшествия.

VIII. Ультиматум-голова – и все прочее

Когда Скворцов очнулся, трудно было ему определить, сколько времени он находился без памяти.

Но во всех случаях жизни профессионал в нем сказывался больше, чем те последствия, которые могли получиться от оглушительного удара в лоб и стальных наручников.

Скворцов, приоткрыв один глаз, стал изучать обстановку.

Ничто кругом не изменилось.

Единственно, что его вводило в сомнение – это отсутствие подмастерья.

– Неужели? Этот простачок... тоже с ними? – думал Скворцов, лежа на грязном полу мастерской.

Затем он порывисто поднялся с пола, отошел спиной к стене и, прислонившись, четко и медленно произнес:

– Если вы честны – подойдите ко мне и помогите снять наручники.

Растерявшийся Жуков, забившись в угол, дрожал мелкой дрожью и хрипло произнес:

– Я не могу, барин... У меня спутаны руки и ноги!

– Но почему здесь так темно?

– Лампу погасил этот жулик. Ушел и запер двери на замок.

Такое объяснение показалось Скворцову подозрительным, тем более что он предупреждал Жукова стрелять, если на него нападают.

– Ну, подходи ко мне...

Жуков снялся с места и стал ползти по грязному полу мастерской, опрокидывая на своем пути табуретки, размоченные подошвы...

Скворцов, стиснув зубы и взяв себя в руки, думал:

– Мне гораздо легче упасть на него и придавить тяжестью своего тела.

Тем временем беспомощный Жуков лежал в ногах у Скворцова и тяжело дышал. Скворцов наклонился к нему, распутал ему руки и вновь принял свою старую позу.

Жуков быстро сел, развязал себе ноги.

И встал.

– Теперь зажгите лампу, – коротко приказал Скворцов.

Жуков беспрекословно исполнил.

– Подойдите ко мне ближе. Вытащите мой револьвер из кармана. Положите его на стол. А где ваш?

Жуков вытащил свой, положил рядом с револьвером Скворцова. Последний сделал прыжок со своего места, сел на оба револьвера и радостно подумал:

– Ну, братец! Ты в моих руках...

– Нет ли у вас здесь подпилка?

– Есть.

Жуков подал подпилочек. И закипела работа.

В течение 20 минут наручники упали и Скворцов опустил свою сильную руку на плечо Жукова.

– Вот что, дружище! Ты еще, я вижу, желторотый птенчик. Сегодня в ночь ты был свидетелем сцены, которой позавидовал бы заядлый профессионал. Тебе, конечно, трудно разобраться, в чем тут дело, но если ты хочешь быть предан Республике, то знай: ни один человек в мире не должен знать того, что знаешь ты. Твой хозяин сюда больше не вернется. Все, что находится в этой мастерской, принадлежит тебе. Ты можешь продать все это и деньги взять себе. Если же почему-либо тебе это не нравится, то брось все, что находится здесь и пойдем со мной.

□

Жуков смотрел на него, пораженный щедростью барина, и со страхом отвечал:

– Я, барин, хочу в деревню...

– Не называй меня, дружище, так. Эта ночь связала нас крепко одной тайной, которой владеем мы вдвоем.

С этими словами Скворцов вытащил электрический фонарь, стал шарить на полу, нашел то, что ему было нужно и незаметно для Жукова положил металлический предмет, похожий на сапожный гвоздь, в карман.

Затем он подвинул стол к окну, поставил на него табуретку, осторожно открыл окно и шепнул Жукову:

– Вылезай первым...

Жуков вскарабкался на табуретку, вылез на улицу и полной грудью облегченно вздохнул.

За ним вышел тем же путем Скворцов и, протянув руку Жукову, сказал:

– Прощай, друг. Но знай: если до меня дойдет слух, что ты не в меру болтлив – ты за это ответишь головой.

И быстрыми шагами Скворцов скрылся за углом.

IX. Ультиматум в мусорном ящике

Жуков остался один и поклялся самому себе, как только может поклясться пылкий юноша, “что ни в жизнь никому не скажу, если даже в могилу живьем закопают”.

А между тем, за углом была подворотня. В подворотне стоял мусорный ящик; между стеной и ящиком был небольшой проход с терпким запахом.

И здесь красовалась надпись:

Здесь останавливаться воспрещается.

Вот под этой надписью, в проходе, притаился человек, не нашедший себе, очевидно, ночлега.

Иначе зачем ему выбирать для своего сна столь неаппетитное ложе. Но вы, конечно, понимаете, что спать безмятежным сном у ворот, которые беспрестанно открываются – весьма не рекомендуется...

И если обладатель пылкого воображения хочет узнать все тайны ночи и услышать страстные расставания влюбленных, свидания, назначаемые деловыми людьми – то непременно нужно выбирать место, подобное тому, какое выбрал этот чудака.

Итак, загремели ворота...

И два темных силуэта, пожимая друг другу руки, говорили:

– Нужно переехать в центр, связаться с акционерным обществом, получить новые директивы. И выйти из поля зрения местного сыска, так как я утверждаю, что часы, по которым он определял время – это был фотографический аппарат.

– Необходимо проникнуть в мастерскую, добыть гвоздь и, если там есть кто-нибудь – прикончить! Я буду на площади, левая сторона, остановка трамвая...

Силуэты исчезли.

Человек в проходе, надышавшись смрадным воздухом, решил выйти из своего места и переночевать где-нибудь на бульваре, нежели быть свидетелем странных замыслов двух исчезнувших теней.

Но это был... сон...

Он вышел из своего логовища и, шатаясь как пьяный, пошел по тротуару.

Не успел он дойти до площади, как мимо него промчалась пожарная команда, а за ней толпа людей...

Какая-то необъяснимая сила толкнула нашего чудака пойти по следам пожарной команды. Дойдя до места, где отчаянные пожарные, влекомые больше спортом огня, чем обязанностями, делали свое трудное дело.

Южный город... Звездное небо... Темпераментные южане... Гортанные речи... Крик обитателей горящего дома... Пожарные сигналы... Конский топот...

Все смешалось!

– Но где же? Скажите: где же быть нашему Жукову? Бездомному... Оторванному от сохи? Ищущему заработков... И сейчас безработному – обладателю тайны.

– Конечно, здесь!

На пожаре...

И, конечно, логика, справедливость, методичность, чужачество – все перемешалось.

И в итоге мы должны получить нашего чудака, покинувшего свое смрадное ложе, ищущего чистого воздуха, но дышащего дымом...

Разиня рот, Жуков смотрел на пламя того самого дома, где еще совсем недавно он служил подмастерьем сапожника Холмогорова, где он познакомился с чудаком – и получил угрозу ответить головой за разоблачение тайны.

– К черту проклятый город! В деревню... К себе домой. К тятеньке.

И порывистое движение было остановлено сильной рукой, опустившейся на его плечо.

– Ты видишь, дружище, что получилось из того, свидетелем чего ты был. Вот тебе лишнее доказательство, как крепко нужно хранить тайну. А теперь повернись налево. И посмотри: там, у столба...

– Хозяин! – вскрикнул Жуков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.